

...И наш российский балаган

Среди именитых московских режиссеров Валерий Фокин, пожалуй, один из самых активных работающих, несмотря на то, а может быть, именно потому, что у него нет своего постоянного театра, где он бы числился в штате. Положение «вольного» постановщика дает ему свободу выбора, свободу самому распоряжаться своим временем и возможностями. Поэтому, наверное, еще только выпуская очередную премьеру, он уже начинает подготовку к следующей. Его новые спектакли появляются один за другим с завидной быстротой на разных столичных сценах и вне их. Вот и сейчас, не успели отгреметь аплодисменты в Театре под руководством О. Табакова, где В. Фокин поставил «Анекдоты», соединив в одном представлении «Бобок» Ф. Достоевского с пьесой А. Вампилова «Двадцать минут с ангелом» (а незадолго до этого выпустил в «Современнике» тоже по Ф. Достоевскому «Карамазовы и ад»), как он уже приступил к репетициям следующего своего спектакля по пьесе Эдварда Радзинского о последних днях жизни царской семьи, зверски уничтоженной летом 1918 года в Екатеринбурге. И осуществляться эта постановка будет не в каком-то определенном театре, а агентством «Богис», со сборным, «звездным» актерским составом.

- Валерий Владимирович, в последнее время вы чаще всего работали с классикой, и даже не пьесами, а прозой, которую сами свободно интерпретировали, выбирая из произведения важные для вас идейные и тематические линии. Что же подвигнуло вас в данном случае обратиться к драматургии современного писателя, взять законченную пьесу?

- Действительно, на протяжении ряда лет я сам сочинял свои спектакли на основе той или иной классики - Гоголя, Достоевского, Кафки. На этот раз я остановился на Радзинском, во-первых, потому, что нас связывают годы давней дружбы. Его пьесы я начал ставить с 1981 года, со «Спортивных сцен» в Театре имени М.Н. Ермоловой, а во-вторых, потому что меня привлекла необычность ситуации, положенной драматургом в основу его пьесы - последняя ночь перед расстрелом царской семьи и последняя ночь в судьбе России. Ночь, с которой начинается как бы новый отсчет времени, новая эпоха, растянувшаяся почти что на весь XX век. С этой ночи раскручивается страшное красное, кровавое колесо, прокатившееся по всей России и до сих пор сидящее в нашей психике. Эта тема выливается для меня в чисто русскую тему, близко соприкасающуюся с тематикой Гоголя, Достоевского - тема русской души, русского человека. Я не собираюсь ставить спектакль о плохих большевиках и хорошем русском царе. Мне важно, как в экстремальной ситуации ведут себя люди.

- У этой пьесы уже определенное название?

- Да. «Последняя ночь последнего царя».

- «Превращение» Кафки, «Карамазовы и ад» Достоевского, «Анекдоты» вы ставили в стационарных, репертуарных театрах. Сейчас вам предстоит работать со смешанным актерским составом, без стабильной сцены, как говорится, без крыши над головой. Все это ведь создает дополнительные трудности.

- Разумеется, и я это прекрасно понимаю. Но с другой стороны, в таком «кочующем» коллективе есть свои определенные достоинства: свобода, независимость, возможность собрать именно тех актеров, которые тебе нужны. Ульянов играет у меня главного царского убийцу Юровского, Евгений Миронов из Театра Олега Табакова - Маратова, другого большевика, Збруев - Ни-

колай II, Купченко - царица. По первым репетициям я уже могу сказать, что это отличный состав. Мы все собрались на проект, который нас интересует, мы делаем то, что нам нравится, и не связаны никакими обязательствами, присутствиями стационарных театров. Конечно, мы финансово зависим от своих спонсоров. Без денег никакой проект мы бы не смогли осуществить. К

счастью, агентство «Богис» в лице его руководителя Галины Боголюбовой сумело так организовать дело, что нас финансирует очень солидная итальянская фирма «Аристон». «Московская правда» - наш пресс-спонсор. Это просто подарок судьбы, огромная удача.

- Ставит ли вам фирма «Аристон» какие-то условия взамен на свою поддержку?

- Абсолютно никаких. Что и поразительно. Наоборот, они заинтересованы, чтобы свою премьеру мы играли в России. У нас уже запланирована вторая премьера в Петербурге. А потом мы повезем свой спектакль в Екатеринбург, где разыгралась трагедия расстрела царской семьи. Я считаю, было бы правильным сыграть этот спектакль и в городах Сибири - Новосибирске, Омске...

- Кто художник постановки?

- Идея всей постановки, и сценографическая тоже, принадлежит мне. Я не могу начать репетировать спектакль, если не вижу его в пространстве. Поэтому мне скорее нужен художник-помощник, который смог бы воплотить мой замысел. Были случаи - спектакли «Нумер в гостинице города NN» по «Мертвым душам» Гоголя, «Превращение» по Кафке, - когда в роли сценографов у меня выступали архитекторы, конструировавшие мой замысел. На этот раз будет так же. У меня хороший помощник - художник Шароев из Большого театра. Он разрабатывает специальную конструкцию - сценическая площадка и места для зрителей, которую можно будет ставить на сцене театра, в Манеже, где мы и намереваемся сыграть 10 октября премьеру.

- А как будет развиваться действие спектакля: ретроспективно?

- Отчасти да. В Кремлевской больнице, где в 1938 году лежал и умер Юровский, куда приходил к нему Маратов, и в Ипатьевском доме, где погибла царская семья. Эпизоды 38-го и 18-го годов перемежаются, свободно переходя из одной эпохи в другую.

- В ряде последних своих интервью вы не раз говорили, что хотели бы поставить спектакль без текста, но чтобы это не была пантомима. Как это вы, приверженец высокой классики, - и вдруг спектакль без текста? Собираетесь ли вы применить такой прием в данной постановке?

- Думаю, что да. Я ведь уже пробовал это в своих последних работах. Алексей Дмитриевич Попов определял такие моменты, как «зоны молчания». Когда без текста, иллюстрирующего события, актер должен передать атмосферу происходяще-

го, молчанием «объяснить» свой поступок, свое внутреннее состояние. Мне кажется, что такие моменты - самое интересное в спектакле.

- В вашем спектакле собраны актеры разных театров, разных школ. Как сочетаются они друг с другом? Ощутимо ли это изначальное различие?

- Хороший вопрос. Правильный. Это очень важный момент. Есть актеры, которые, как Костя Райкин, как Авангард Леонтьев стали уже давно «моими». Я с ними много лет много работал. Вот и Женя Миронов становится уже «моим», будет участвовать в третьем моем спектакле. С Купченко мы учились вместе в Щукинском училище, у нас одна школа. С Ульяновым я делал фильм, но в театре, правда, с ним не работал. И только со Збруевым мне до сих пор не доводилось встречаться на сцене. Теперь мне предстоит их всех свести воедино, привести к единому стилю, чтобы они звучали, как инструменты в хорошо слаженном оркестре. Хотя внутри самого спектакля должен, разумеется, существовать контраст между царской семьей и большевиками. Палачи и их жертвы должны существовать как бы в разных измерениях, вместе с тем составляя единый ансамбль. Задача сложная. Мы ищем этот стиль.

- А откуда вы взяли великих князев? И мальчика?

- Это очень существенные фигуры в спектакле, хотя они практически без текста и являются только в воспоминаниях главных персонажей. Их сцены - балетные. Они из балетной школы Михаила Лавровского.

- Значит, большую роль в спектакле должна играть музыка?

- Конечно. Композитор Александр Бахши, с которым я уже много работал, написал музыку и занимается с ними. Их танцевальные куски ставит Лавровский.

- Так что же это будет: драмо-балетно-музыкальный спектакль?

- В какой-то степени - да. Но пока я еще затрудняюсь дать ему окончательное определение. Для меня он замыкает, как некий постскриптом, определенный круг моих прежних работ, трилогии Гоголь - Кафка - Достоевский, движущихся от замкнутого пространства к большой сцене. «Последняя ночь» должна быть серьезной драмой, трагедией, но при этом и историей о нашем вечном российском балагане.

Наталья БАЛАШОВА.

На снимке: В. Фокин.

Фото В. ЯЦИНЫ

(Фотохроника ТАСС).